Тимур Бек

Артур Барнс. Дело округа Саффолк

Тимур Бек

Артур Барнс. Дело округа Саффолк

«Автор»
2026

Бек Т.

Артур Барнс. Дело округа Саффолк / Т. Бек — «Автор», 2026

Четыре года назад Фред Барнс совершил убийство, замаскировав его под исчезновение брата, и с тех пор жил в окружении призраков и чужих денег. Одно откровенное письмо шерифу должно было поставить точку в его мучениях, но вместо этого оно открыло ящик Пандоры. В дело вступают жадные до чужих секретов соседи, безжалостные прокуроры и старые долговые расписки, способные уничтожить всех, кто дорог Артуру — невинному племяннику убийцы. Мрачная история о преступлении без срока давности, тяжести семейных грехов и высокой цене искупления на фоне туманного Бостона XIX века.

© Бек Т., 2026
© Автор, 2026

Тимур Бек
Артур Барнс. Дело округа Саффолк

ДЕЛО ОКРУГА САФФОЛК

Дождливый бостонский вечер 1887 года опускался на туманную окраину города. За окнами старого двухэтажного дома едва угадывались силуэты деревьев, а с улицы доносился редкий цокот копыт по мокрой мостовой и глухой шум проезжающих дилижансов.

В комнате на втором этаже было прохладно. Фред Барнс — мужчина лет сорока пяти, в поношенном шерстяном жилете и с засученными рукавами хлопковой рубашки — сидел за тяжелым дубовым столом. На висках его темных волос уже пробивалась седина, а в уголках глаз залегли глубокие тени от усталости. В помещении пахло плавленым воском, влажной древесиной и кислым запахом железо-галлатовых чернил.

Единственным источником света служила керосиновая лампа «летучая мышь» с потемневшим стеклянным абажуром. Ее желтый, чуть вздрагивающий огонек выхватывал из полумрака уголок стола: открытую латунную чернильницу, потертый кожаный переплет и несколько исписанных листов.

Фред наклонился низко к бумаге, сжимая в пальцах стальное перо. Раздавался только ритмичный, сухой скрип металла о шероховатый лист. Он выводил аккуратные, слегка наклонные буквы, иногда останавливаясь, чтобы обмакнуть перо и замереть на секунду, глядя на ровные строчки, прежде чем продолжить мысль.

Спустя время Фред откинулся на спинку стула, вытер испачканные чернилами пальцы о край жилета и взглянул на исписанный лист. Свежие чернила ещё влажно поблескивали в желтом свете керосиновой лампы.

Первая строчка на бумаге гласила:

«Я, Фредерик Барнс, находясь в здравом уме и твердой памяти, составляю сие признание, ибо более не могу нести бремя молчания...»

Перо заскользило дальше:

«...Настоящий владелец этого дома и участка на окраине, мой троюродный брат Томас, не сбежал на Запад, как я уверял полицию и соседей в восемьдесят третьем. Я лично подделал его подпись на купчей, воспользовавшись его неожиданной болезнью и беспомощностью. Деньги, на которые я жил все эти годы — краденые, а сам Томас покоится под старой яблоней в заднем саду...»

Перо с тихим кликом легло на стол. Нащупав в полумраке любимую трубку, Фред чиркнул спичкой; огонек на мгновение отразился в его запавших, немигающих глазах. Он тяжело опустился на спинку стула, почувствовав, как накопившаяся за эти годы усталость тяжелым грузом навалилась на плечи.

Горьковатый табачный дым медленно поплыл по комнате, смешиваясь с запахом сгорающего керосина. Фред повернул голову к окну, за которым угадывался темный силуэт сада. Сказать главное он уже смог, но как объяснить на бумаге ту глухую, липкую трусость, что толкала его на преступление день за днем?

Фред выпустил еще одно колечко дыма, стряхнул пепел в глиняную розетку и снова взялся за перо. Металлическое острие на секунду зависло над бумагой, собираясь с мыслями, а затем с тихим шуршанием пошло по строчкам.

Он знал, что сухих фактов мало. Тот, кто будет читать эту бумагу, должен понимать не только *что* произошло, но и *где* искать следы.

Фред вывел:

«...Я не потратил и половины тех денег. Совесть не позволяла пустить их на роскошь, поэтому большая часть средств Томаса — ровно одна тысяча двести долларов золотыми монетами чеканки семьдесят девятого года — всё еще лежит там, где им и надлежит быть. В подвале этого дома, за третьей секцией стеллажа, под поднятой плитой пола выбита ниша. Там в смоле и холсте покоятся два тяжелых мешочка — ровно одна тысяча двести долларов золотыми «двойными орлами». Этот глухой металл своей тяжестью тянул меня в ад четыре года. Я возвращаю их до последнего цента...

Но золото — лишь глухая верхушка того проклятия, что губит наш дом. В ту дождливую ночь перед своей гибелью Томас привез из Бостона не только деньги. В его саквояже лежала черная сафьяновая папка — личный архив Томаса. В нем собраны оригиналы тайных договоров, залоговых актов и переписки бостонского строительного синдиката с чиновниками городской юстиции. Томас собирался передать этот компромат в Верховный суд штата, чтобы разоблачить махинации с разграблением земель, из-за которых наш отец умер в нищете.

Мне кажется, именно из-за этих бумаг наш сосед Миллер в последнее время так настойчиво кружит вокруг нашего забора, высматривая каждую мелочь и завязывая пустые разговоры. Я могу ошибаться, но меня не покидает чувство, что он лишь исполнитель чьей-то воли — возможно, людей из бостонской прокуратуры, которым как воздух нужен этот архив, чтобы замять свои аферы. Если эти бумаги окажутся у них — имя Томаса будет навсегда осквернено, а Артура растопчут как опасного свидетеля...»

Он сделал паузу, обмакнул перо и добавил еще несколько слов, ради которых, возможно, и затевал всю эту исповедь:

«...Я не прошу прощения у Бога или людей — я знаю, что прощения мне нет. Единственное, о чем я молю того, кто прочтет эти строки — не клеймите позором имя моего племянника Артура. Он не знал и не мог знать, на какие средства я оплачивал его обучение в Бостоне и за чей счет содержал этот дом и оплачивал его ремонт. Он чист перед законом и людьми. Пусть вся тяжесть моего греха падет лишь на меня одного...»

Фред вывел размашистую подпись: *«Фредерик Барнс»*, поставил четкую дату и отложил перо. Взяв с края стола медную ложку с куском темно-красного сургуча, он занес ее над огоньком лампы.

Когда смола закипела, испуская тяжелый, терпкий запах, он аккуратно капнул ею на клапан сложенного вдвое листа и прижал сверху массивную латунную печатку. Сургуч быстро остыл, скрепив признание. На лицевой стороне Фред вывел ровными буквами: *«Окружному шерифу округа Саффолк. Лично в руки»*.

Положив плотный конверт в центр стола, он почувствовал, как вместе с этим жестким оттиском от него окончательно отрекается прошлое.

Одним коротким выдохом Фред погасил лампу. Желтый уютный свет исчез, уступив место сизым сумеркам, проникавшим сквозь мокрое окно. В комнате стало холодно.

Не снимая поношенного жилета, Фред тяжело опустился на край кровати, разулся и лег, уставившись в темный потолок. Скрипнула пружина, за окном качнулась ветка яблони, отбросив на стену длинную тень, но он уже закрывал глаза.

Бумага на столе сделала свое дело. Изнуренный многолетним страхом и сегодняшней исповедью, Фред заснул прежде, чем успел перевернуться на другой бок.

Ночь не дала ему покоя. Фреду снился бесконечный, запущенный дом, где каждая дверь неизменно вела в ту же самую комнату на втором этаже.

За дубовым столом сидел Томас — живой, но страшно истощенный болезнью. Он молча, с пугающим упорством подписывал бесконечные пачки купчих, выводя на них имя Фреда. Барнс метался по комнате, пытался выхватить перо или выбить бумаги из его рук, но его собственные пальцы бессильно проходили сквозь воздух, словно через дым.

В какой-то момент Томас медленно поднял голову. Он повернул к Фреду слепые, затянутые белесой пленкой глаза и тихо, с убийственной сухостью спросил:

— Зачем ты тратил мои деньги, Фред?

В тот же миг стены старого дома со страшным треском рухнули. Фред оказался на виду у огромной, безмолвной толпы бостонцев, стоящих вокруг яблони и с холодным осуждением глазеющих на него сквозь непроглядную тьму.

Он очнулся от резкого, пронизывающего холода. Сон рассеялся, оставив лишь липкое чувство стыда и учащенный пульс.

За окном дождь утих. Сквозь грязные стекла пробивался первый тусклый, серый луч бостонского рассвета. Он скользнул по поношенному ковру, поднялся к краю дубового стола и уперся точно в белый прямоугольник конверта с алой сургучной печатью.

Фред тяжело сел на кровати, провел ладонями по оттекшему лицу и глубоко вдохнул сырой утренний воздух. Кошмар отступил, но на смену ему пришла звенящая, необратимая реальность. Письмо было написано. Назад дороги не было.

Снизу раздался знакомый металлический щелчок: ключ в замке повернулся, и тяжелая дубовая дверь с легким скрипом подалась внутрь. Фред замер на краю кровати, так и не успев натянуть сапоги.

На пороге прихожей стоял Артур — в промокшем от ночного дождя пальто, с небольшим кожаным саквояжем в руках. От него пахло свежим ветром, сыростью и недорогим табаком. На юношеском лице, обычно по-детски открытом и живом, застыла легкая виноватая улыбка:

— Дядя Фред? Не ждали меня так рано? — весело заговорил юноша. — На почтовой станции в Кембридже удалось перехватить ночной грузовой омнибус, и я приехал до рассвета.

Он сбросил шляпу, стряхивая капли на половики, совершенно не подозревая, что на втором этаже, на столе, уже лежит бумага, навсегда разрушающая его привычный мир.

Фред подскочил с кровати, едва не опрокинув тяжелый стул. Ноги в носках скользили по гладкому паркету, сердце отчаянно колотилось где-то в горле.

Снизу уже доносился ритмичный, уверенный гул шагов Артура по дубовым ступеням. Фред метнулся к столу, сгреб запечатанный конверт и лихорадочно осмотрелся. Спрятать? Куда?! В ящик стола? Слишком очевидно. В замочную скважину уже проникал тусклый свет с пролета.

В последнюю секунду он сунул плотную бумагу за тяжелое суконное спальное покрывало и резко повернулся к двери, пытаясь перевести дыхание.

Затем, изобразив фальшивое добродушие, Фред откликнулся:

— Промок, Артур? Иди на кухню, я сейчас поставлю чайник и соображу нам какой-нибудь завтрак.

Он сделал шаг к лестнице, надеясь увлечь племянника за собой, но Артур, рассеянно кивнув, прошел в глубину кабинета:

— Сейчас, дядя, только пальто сброшу, а то с него течет...

Фред обомлел, когда юноша широким жестом швырнул тяжелую суконную шинель на край постели. Пальто с размаху накрыло прячущийся конверт, а Артур вдобавок небрежно бросил сверху сухое полотенце, еще сильнее примяв покрывало.

Фред замер на пороге, едва удерживая себя от того, чтобы не броситься к кровати и не выдернуть письмо на глазах у опекаемого им парня.

С трудом заставив себя не смотреть в сторону кровати, Фред спустился по скрипучей деревянной лестнице на кухню. Каждая ступень отзывалась глухим эхом в его голове, а спину жгло так, словно между лопаток упирался чужой пристальный взгляд.

На кухне царил утренний полумрак. Фред с трудом растолкал заслонку тяжелой чугунной плиты. Внутри ещё теплились ночные угли, подернутые серой золой. Ломая спички из-

за крупной дрожи в руках, он кое-как разжег щепу, бросил пару сухих поленец и водрузил тяжелый пузатый чайник прямо над огненным зевом. Чтобы занять одеревеневшие пальцы и спрятать дрожь, Фред схватил металлическую кочергу и принялся с глухим стуком шуровать в топочной дверце, выбивая снопы искр и не смея поднять взгляд на потолок, где над кухней располагался его кабинет. Пока чайник закипал, Фред натянул у плиты на ноги потертые кожаные башмаки.

Сверху, из его кабинета, доносились мерные шаги Артура: вот тот сбросил тяжелые сапоги, вот скрипнула половица у шкафа. Каждый этот звук отозвался в сердце Фреда ледяным уколом. Он стоял посреди кухни, не в силах перевести дыхание, и каждую секунду ждал, что сверху раздастся удивленный и недоуменный голос племянника: *«Дядя Фред, а что это за бумага летит из-под моего пальто?»*

Вскоре закипающий чайник выпустил из носика тонкую струю пара. Фред нарезал подсохший хлеб, намазал его слоем масла и выложил на тарелку пару кусков холодного вареного окорока — простой, привычный завтрак, который он сотни раз готовил для племянника.

Артур спустился на кухню уже в сухой домашней куртке, потирая замёрзшие ладони, и с аппетитом уселся за деревянный стол.

— Ах, дядя, вы не представляете, какая грязь на бостонском тракте! — весело заговорил юноша, подвигая к себе тарелку с мясом и хватая кусок хлеба: — Карету трясло так, что я думал, у нее отлетят колеса...

Он набил рот и запил всё горячим чаем из кружки, но постепенно его голодный пыл угас. Голос Артура стал тише, а движения — медленнее.

Фред выдал себя сам. Он стоял у плиты, спиной к окну, и его руки, державшие заварочный чайник, так крупно дрожали, что крышка непрерывно звякала о фарфоровый бок. Вместо того чтобы слушать рассказ о дороге, Фред замер, вытянув шею, и раз за разом бросал тревожные, почти испуганные взгляды на потолок — туда, где над кухней располагался его кабинет.

Артур отложил недоеденный хлеб и внимательно присмотрелся к дяде.

— Дядя Фред... — тихо произнес он, опустив кружку на стол. — Что с вами? На вас лица нет, руки ходят ходуном, и вы все время оглядываетесь наверх. Что-то произошло, пока меня не было?

Фред резко поставил чайник на плиту — фарфор с громким стуком ударился об чугун.

— Простуда, Артур, банальная сырость, — быстро заговорил он, предпринимая судорожную попытку улыбнуться, хотя губы его едва слушались.

Он принялся лихорадочно хлопотать у стола, неловко переставляя баночку с джемом и ложки, лишь бы заняться хоть чем-то и спрятать трясущиеся пальцы:

— Всю ночь дождем заливало, ветром продуло кабинет... Вот и знобит с самого утра, суставы ломит. Ешь-ешь, не обращай внимания! Лучше скажи, как там мистер Уоллес? Передал он тебе те документы по праву, о которых вы говорили на прошлой неделе?

В это время кто-то на улице несколько раз уверенно и гулко постучал прямо в дверную панель. Напряженный воздух на кухне будто лопнул.

Фред с облегчением выдохнул, почувствовав, как с груди свалился пудовый камень.

— Видно, почта или кто-то с фермы, пойду отворю, — бросил он через плечо Артуру, уже не заботясь о том, насколько правдоподобно звучит его оправдание про болезнь.

Быстрым, почти суетливым шагом он пересек прихожую, отер холодный пот со лба и взялся за холодную бронзовую ручку двери.

На пороге стоял Старый Миллер из соседнего поместья. В сумерках проступающего рассвета его лицо казалось серым.

— Здорово, Фред, — буркнул он, вытирая усы ладонью. — Прости за ранний визит, еще и семи нет... но у тебя там, в саду беда. Я на рассвете пошел запруду проверять, а там край

оврага съехал. Смотрю — из-под корней что-то темнеет... Похоже, старая кошма с костями или суконный тюк. Ты бы пошел глянул, пока туда собаки не сбежались.

Фред застыл, крепко сжав бронзовую ручку двери. На его лице застыла дежурная улыбка, но он чувствовал, как земля уходит у него из под ног.

Барнс всё ещё стоял с натянутой, одеревеневшей улыбкой, а в ушах у него уже нарастал тяжелый гул. Но не успел он выдавить из себя ни слова, как за спиной раздались быстрые шаги.

В прихожую вышел Артур, вытирая губы салфеткой.

— Доброе утро, мистер Миллер! — бодро заговорил юноша, опираясь рукой о дверной косяк.

Услышав последние слова старика про овраг и размытые корни, он живейшим образом заинтересовался:

— Надо же, какой силы был ливень! Дядя Фред, давайте я сбегаю гляну? Вдруг это старый хозяйственный инвентарь или остатки прежней ограды? Пойдемте, мистер Миллер, покажете, где именно просело.

Миллер добродушно хмыкнул:

— Вот это дело, Артур! Молодые ноги быстрее дошагают. Пошли, сынок, я тебе покажу. Там сложного ничего нет, аккурат за парником, где уклон к канаве идет.

Старик развернулся на крыльце и сделал шаг вниз, на размокшую дорожку, пока Артур энергично втискивал ноги в еще сырые сапоги, совершенно не замечая, как Фред рядом медленно оседает вдоль дверной рамы. Всплеск юношеского задора, скрип кожаных задников, сухое похлопывание по плечу — весь этот обыденный, оживленный шум проносился мимо Фреда, словно за плотной пеленой воды. Племянник шагнул за порог через секунду. Вслед за соседом. Туда, к яблоне.

Язык словно налился свинцом и присох к нёбу. Фред с ужасающей четкостью понимал, что прямо сейчас нужно броситься вслед, закричать, выдумать любую ложь, но тело отказом отвечало на приказы разума.

Дождь утих, и в этой звенящей утренней свежести было отчетливо слышно, как Миллер на ходу что-то объясняет Артуру, активно жестикулируя, а тот понимающе кивает.

Фред так и остался стоять в проеме открытой двери, словно высеченная из камня статуя. Сердце колотилось где-то в самом горле, но тело потеряло способность двигаться.

В звенящей, влажной тишине, наступившей после ливня, звуки из сада долетали с пугающей, болезненной четкостью. Хлюпанье размокшей глины под тяжелыми сапогами. Хруст сломанной ветки. Затем — глухой, металлический звук: Миллер, должно быть, зацепил лопатой или тяжелым шестом край находки.

Затем всё смолкло. Наступила пауза, длившаяся, казалось, вечность.

И следом из глубины сада донесся отчаянный, потрясенный возглас старика, резко оборвавшийся на полуслове. Шаги затихли. Двое мужчин у яблони надолго замерли над размытой ямой, вглядываясь в то, что земля прятала долгие годы. Фред закрыл глаза и тяжело прислонился затылком к дверному косяку, понимая: обратного пути больше нет.

В тишине двора заскрипела галька — послышались частые, удаляющиеся шаги Миллера. Старик, даже не попрощавшись, рванул через калитку — на счастье, патрульный экипаж шерифа как раз совершал утренний объезд соседнего выгона после ночной бури.

А к открытой двери шаг за шагом приближался Артур. В его руках ничего не было, но смотрел он на Фреда так, словно видел перед собой призрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.